

Во времена, когда вели борьбу за власть на земле и в небе звери и люди, племя Мэджекивиса презирали все индейские роды и общины. Его сторонились воины и издали объезжали его шатры. Даже враждовавшие с ним оджибвеи считали позором убийство воина из этого жалкого племени. Чем же навлекли на себя такое презрение воины Мэджекивиса? Неужели они были менее храбрыми и менее отважными, чем воины других племён? А может, они опозорили себя каким-то недостойным поступком?

Да, это было недостойно славных воинов: у них среди бела дня из обоза была украдена священная повязка — Вампум. Повязка (ещё от самого Сахена, первого человека рода), которая возвышала их над всеми другими племенами. Она давала им власть над необузданными силами природы.

Ту повязку украл Гитчи Мокве — большой медведь из страны вечных снегов. Воспользовался моментом, когда все воины были на охоте, а в селении остались только старики и женщины.

Горе и печаль нависли над племенем после утраты Вампума. Мужчины повынимали из волос все перья, женщины пообрезали себе красивые косы, даже детей охватила эта печаль — не слышно было весёлого гомона и смеха, не видно было детских игр и беготни. Жизнь в селении замерла.

Старый вождь племени Мэджекивис так сильно переживал это горе, что наконец однажды не выдержал и отправился в одиночку в северную страну, чтобы отыскать там Гитчи Мокве, убить его и отобрать у него священную повязку Вампум.

Он шёл много дней — Малых Солнц — и наконец добрался до далёкой страны, где деревья были покрыты снегом, под тяжестью которого выгибались так странно, словно прислушивались к каким-то таинственным голосам земли. Горы и скалы, одетые в белые шапки, стояли молчаливо и важно, словно застывшие в вечном сне.

Мэджекивис шёл не торопясь. А вокруг была такая тишина, что он слышал стук своего сердца и шум бегущей по жилам крови. Вдруг в кустах раздался пронзительный писк. Мэджекивис бросился в сторону, откуда доносился голос, и раздвинул густые ветки большого можжевельника. Запутавшись в них и поколотый острыми иголками, там сидел белый кролик — Вабассо.

Освободил его старый вождь и пустил на белое поле. Вабассо отбежал в сторонку, сел и сказал:

— Благодарю тебя, Мэджекивис, за то, что ты спас мне жизнь. Я, чтобы отплатить тебе, покажу, где прячется Гитчи Мокве. Он залёг на самой высокой горе, под сломанной елью, и спит крепким сном, но ты поспеши, чтобы до его пробуждения вернуть свою повязку.

Мэджекивис поблагодарил кролика взмахом руки, а Вабассо запрыгал и скрылся из виду за снежной пеленой.

Старый, измученный вождь отправился в путешествие на гору, показанную белым кроликом. Окрылённый надеждой, он быстро добрался до цели. Вблизи вершины он крался осторожно, проскальзывал между заснеженными глыбами, как горноста́й — быстро и незаметно. Малейший шум мог бы разбудить Гитчи Мокве, и тогда бы вождь не добыл повязку, а потерял бы жизнь и его племя навсегда осталось бы опозоренным.

Бесшумно, как белый дух, добрался он до вершины. У поваленной ели лежал громадный горный медведь. Спящий, неподвижный, он напоминал скалу, обросшую коричневато-серым мохом. На шее медведя виднелась священная повязка Вампум. Старый вождь подкрался к зверю как можно тише и как можно ближе. Наклонился и осторожно начал снимать повязку с его шеи. Протянул руки и почувствовал на них тяжёлое, горячее дыхание медведя, огромные когти зверя вызывали беспокойную дрожь. Но старый вождь не испугался. Он незаметно пронёс повязку мимо ушей медведя, которые ничего не слышали, и мимо глаз, которые ничего не видели.

Потом встал на ноги, повесил Вампум на свою шею и издал могучий военный клич, который многократным эхом повторили скалы.

Гитчи Мокве сорвался с места, но мощный удар томагавка между глаз свалил его на землю. Он тяжело застонал,

попытался встать, но его ноги дрожали, как осина. Он понял, что неспособен к битве, и жалобно завопил, как слабая женщина. Зашатался, дрогнул и, тяжело дыша, упал на снег. Могущественный Мэджеквис стоял над ним без страха, громко смеялся и издевался над ним:

— Храпи себе дальше, миша! Ты трус, а не храбрый воин, за которого мы принимали тебя. Теперь ты кричишь и вздыхаешь, как несчастная женщина. Наши племена многочисленны, а наших воинов столько, сколько листьев на деревьях, сколько песчинок в пустыне. Долго мы воевали с тобой и теперь убедились, что мы сильнее тебя. Отныне ты будешь убегать от нас в леса и горы. Я понял наконец, что ты не победишь меня в бою.

Хоть ты и опозорил нас, украв священную повязку Вампум, я не кричал и не плакал, а ты, медведь, сидишь теперь и вздыхаешь. Постыдись своего рода! Ты причитаешь и скулишь, как убегающий дикобраз — Шаоодайя. Твои крики похожи на крики старой, брюзгливой женщины. Довольно! — И занёс Мэджеквис свой боевой топор и ударил Гитчи Мокве в самую середину лба.

Череп медведя раскололся, как слабый лёд от напора плывущего каноэ. Вот так был убит большой горный медведь, гроза окрестных лесов, гроза людей.

— Слава Мэджеквису! — кричали воины, кричали старики, когда вождь возвратился со священной повязкой Вампумом из страны Вабассо — белого кролика. Радовалось племя, и ликовали соседние общины. В честь Мэджеквиса танцевали и пели всю ночь и весь день, а сам старый вождь должен

был несколько раз описывать, как погиб медведь. За этот славный подвиг он был избран людьми своего племени отцом всех ветров. Теперь он стал жить там, куда тропинкой заходящего солнца давно ушли умершие вожди, которые передали ему свою мудрость и давали советы. Поэтому его уже больше не называли Мэджекивисом, а только Кабейуном — Западным Ветром.

Другие ветры он раздал своим детям. Самому младшему, Унто Вебону, он подарил Восточный Ветер. Южный дал ленивому Шавондази, а Северный Ветер, суровый и жестокий, — ужасному Кабиноке. С той поры они изменили человеческий облик и как духи ветров стали жить в разных частях света, владея там.

Вебон — Восточный Ветер

Молодым и красивым был Вебон. Это он приносил рассвет и возвещал о наступлении дня. Это его серебряные стрелы разгоняли темноту над холмами и долинами. Его щёки были цвета пурпура и излучали тепло. Голос его будил уснувшие селения, призывал оленей, а охотников звал на звериные тропы.

Он был одинок на небе, хотя птицы пели ему весёлые песни, дикие травы прерии наполняли воздух чудесным ароматом. Не радовала его, однако, приветная песнь лесов и рек, сердце его было тихим и печальным, так как он был одинок.

Однажды утром, когда селения ещё спали на земле, когда густые туманы клубились над рекой, как духи, которые исчезают с восходом солнца, Вебон увидел девушку, одиноко идущую по прерии. Она собирала над рекой аир и камыш.

И каждое утро, когда он появлялся над селениями и прериями, он с восхищением смотрел в голубые, словно два озера, глаза девушки. Он полюбил эту девушку, и она каждый день с нетерпением ждала его прихода. Она так же, как и он, была одинока, он — на небе, она — на земле.

Каждое утро он обольщал её улыбкой солнца, ласкал нежными дуновениями, вздыхал о ней и пел среди ветвей деревьев. Услаждал её самой нежной музыкой, самыми душистыми ароматами и наконец обнял её, укутал в пурпурные одеяния, унёс высоко и далеко-далеко на небесные дороги и превратил её в звезду.

С той поры каждое утро можно увидеть на небе, как вместе гуляют Вебон и Вебон Анунг — Вебон и Утренняя Звезда.

Кабинка — Северный Ветер

А жестокий Кабинока жил среди ледяных гор, в стране вечных снегов, во владениях Вабассо.

Это его рука красила осенью деревья багрянцем, покрывала листья червонным золотом. Это он засыпал землю хлопьями снега, бегал по чаще с пронзительным свистом и заковывал в звонкий лёд озёра, пруды и реки. Это он торопил чаек и крачек на юг, заставлял улетать бакланов и чибисов к их зимовьям — в тростники и айры, в царство Шавондази.

Однажды жестокий Кабинока вышел из своего логова среди метелей и ледяных гор, а завьюженные волосы спадали ему на спину, как река.

Промчался он на юг с диким воем и свистом — пробежал через замёрзшие озёра, топи и заснеженные леса.

Вдруг среди ивняка и осоки он увидел нырка — Шингебиса, — который, как видно, не хотел улетать в страну Шавондази. Он тащил за собой через топи и замёрзшие болота пойманную рыбу.

Удивился Кабинока, что кто-то ещё остался в его владениях, и закричал:

— Это кто посмел ослушаться меня? Кто остался в моём краю, когда уже дикий гусь — Вава — улетел на юг? Уже давно простыл след и серой цапли — Шух-шух-ги. Вот я войду в твой типи и загашу тлеющий огонь, а тебя самого превращу в кусочек льда.

Рассмеялся Шингебис. Но злой Кабинока намёл сугробы снега и стал врываться внутрь шатра.

Он сотрясал всё жилище и в бешенстве трепал входной полог типи.

Но Шингебис не испугался. У него были приготовлены для очага четыре больших бревна. Каждого

бревна ему хватало на целый месяц зимы, а кроме того, у него был запас рыбы. Поэтому он сидел у костра весёлый, смеялся и пел песни.

Когда Кабинока ворвался в его шатер, Шингебис сразу узнал его по холоду и ледяному дыханию. Но он не прервал своей песни, перевернул пылающее бревно и усилил огонь. Сноп искр взметнулся вверх, а со лба Кабиноки, с его волос, запорошенных снегом, упали капли пота, как с сосновых ветвей, которые почувствовали дыхание весны.

Кабинока выбежал из шатра. Он был побеждён: он не мог вынести тепла и весёлой песни. Мчался, как вихрь, оставляя за собой ещё большие сугробы и ещё более толстый лёд на озёрах и реках.

На следующий день Кабинока вернулся к шатру нырка.

— Выйди из своей норы и потягайся со мной! — завыл он дико. — Выйди на болота и трясины и покажи свою силу!

Вышел Шингебис и, как был не одетый, всю ночь боролся с Северным Ветром, пока не почувствовал, что слабнет, слабнет страшный Кабинока. Истощённый борьбой, измученный и побитый, Кабинока еле-еле унёс свои ноги в страну Вабассо — белого кролика.

А вдогонку он ещё долго слышал смех Шингебиса и его весёлые песни.

Шавондази — Ветер Юга

Жирный и ленивый Шавондази жил далеко на юге, в спокойном, сонливом сиянии солнца, в царстве вечного лета.

Он был тем, кто собирал в перелётные стаи лесных птиц, красногрудого Опечи, небесных птиц и ласточек Овейсы, перегонял на север дикого гуся — Ваву. Он был тем, кто растил дыни, табак и плоды в пурпурных гроздьях.

Из его трубки уносился дым, покрывая небо мглой и тучами, наполняя воздух сонливой мягкостью, образуя на воде искрящееся преломление света.

В своём беге он мягко прикасался к облезшим холмам, а в месяце Снежных Мокасин приносил недолгое индейское лето в края севера.

У беспечного, равнодушного Шавондази была в жизни только одна забота, в его сердце было только одно огорчение. Однажды, когда он мчался на север, он заметил среди прерии одинокую девушку, стройную и высокую. Широкое зелёное платье покрывало её фигуру, а её волосы были похожи на золотистые лучи солнца. Целыми днями он любовался ею, вздыхал, а сердце в его груди становилось всё жарче и жарче от любви и грусти.

Но Шавондази был слишком толстым и ленивым, чтобы приблизиться к ней. Он был слишком вялым и неподвижным, чтобы догнать её и прошептать нежные слова. Ему удобней было смотреть на неё издали и вздыхать.

Как-то утром он взглянул на север и увидел золотые косы девушки совсем другими — покрытыми белыми сверкающими хлопьями, словно снегом.

Но Шавондази был слишком толстым и ленивым, чтобы приблизиться к ней.

— Ах, это ты, брат из царства Вабассо, из земли белого кролика, похитил мою девушку! Это ты наложил на неё свои заснеженные лапы, ухаживал за ней и занимал её своими рассказами о Стране Севера!

Вдохнул несчастный Шавондази, выдохнул в воздух свою печаль и грусть, а потом побрёл дальше по прерии — тёплый и мягкий, так что воздух наполнился лёгким летучим пухом одуванчиков, словно снежинками.

А девушка с золотыми косами пропала из его глаз навсегда.

Бедный, бедный обманутый Шавондази!

Нет, не на девушку смотрел ты всё лето, не по ней ты так вздыхал и страдал! Это был осот, растущий в прерии, осот, который, развеянный ветром, исчез навсегда. Ты развеял его своими вздохами — и он взлетел в воздух, как лебединый пух.

Ах, бедный, бедный обманутый Шавондази!